

БИРКИ-СОРОЧКИ: УПАКОВКА МЕХОВЫХ ШКУРОК В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ

Бирки (небольшие деревянные палочки или бруски с зарубками) были самым распространенным приспособлением для различных операций, связанных с подсчетами и сохранением количественных данных в эпоху средневековья. Известно об их использовании на Руси, в Польше, Латвии, Скандинавии, Англии, Ирландии, Италии и других европейских государствах.¹ Одним из основных типов бирок являлись счетные бирки, которые применялись для подсчета практически любых предметов и понятий. Хотя мы почти ничего не знаем о том, что именно считали при помощи большинства средневековых бирок, есть одно исключение — «бирка-сорочок» (в языках германской группы бирки такой разновидности назывались «timber»). С помощью таких бирок насчитывалось сорок меховых шкурок, которые затем связывали в одну упаковку, так называемый сорочок. Сорочок являлся стандартной единицей счета пушнины и использовался с раннего средневековья вплоть до настоящего времени.²

Одно из крупнейших собраний средневековых бирок (к настоящему времени — около 570 экз.) происходит из Новгорода. Бирки различных типов были найдены на территории многих частей города в археологических слоях, датирующихся от середины X (период основания Новгорода) до середины XV в.³ По результатам анализа новгородской коллекции семь бирок из этого собрания могут быть идентифицированы как счетные бирки-сорочки/*timber*, то есть как бирки, применявшиеся для подсчета сорока меховых шкурок. Так как в средние века Новгород был одним из крупнейших поставщиков меха для всей Западной Европы, то обнаружение таких бирок на территории города можно считать вполне закономерным. Цель настоящей статьи — описание основных характеристик бирок-сорочков и попытка рассмотреть эти бирки в историческом контексте их бытования в средневековом Новгороде.

Самая ранняя бирка-сорочок (рис. 1) была обнаружена в 1998 г. на Троицком XI раскопе — в квадрате 1294 на Пробойной улице (между усадьбами Г и В), на уровне 26—27 ярусов, датирующихся 2-й половиной X в. (возможно, 950—990-ми гг.), но не позже. Согласно типологии новгородских счетных бирок, эта бирка относится к виду цилиндрических, с 10-значной системой счета (A-I-c+).⁴ Хотя один из ее концов от-

¹ Ковалев Р. К. Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // РА (в печати); Kovalev R. K. 1) Birka (Tally) // The Supplement to the Modern Encyclopedia of Russian, Soviet and Eurasian History (в печати); 2) Accounting, Tag, and Credit Tallies // Wood Use in Medieval Novgorod (в печати).

² Noonan T. S., Kovalev R. K. The «Furry Forties»: Packaging Pelts in Medieval Northern Europe [Jaroslav Pelenski Festschrift] (в печати).

³ Ковалев Р. К. Новгородские деревянные бирки...; Kovalev R. K. Accounting, Tag, and Credit Tallies.

⁴ Ковалев Р. К. Новгородские деревянные бирки...

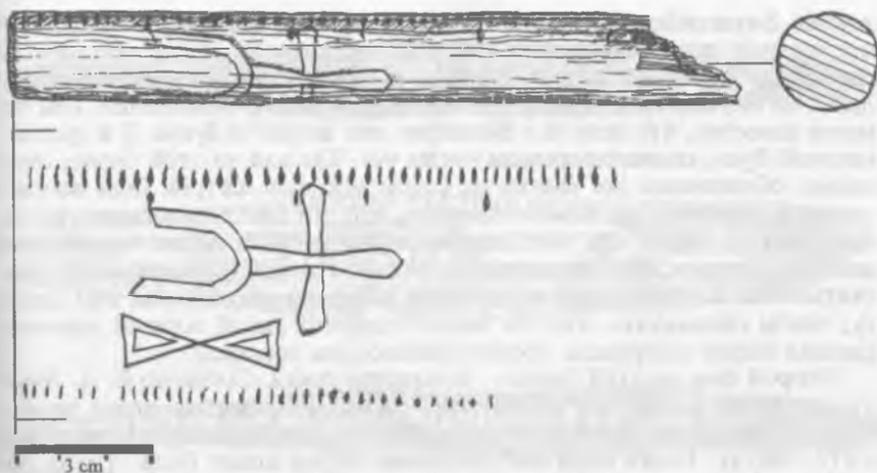

Рис. 1: Н-98, Тр. р-п, яр. 26-27, кв. 1294.

ломан, очевидно, что все зарубки на ней сохранились: ряд зарубок заканчивается примерно за 1 см до сломанного конца бирки.

Бирка имеет следующие размеры: 15,5 см в длину и 2,2 см в ширину. Две ее стороны содержат зарубки, и в целом на бирке образуется 80 зарубок: четыре отдела по десять плюс пять (10+10+5+10+10, то есть 45) зарубок на одной стороне и 35 — на другой. Хотя ни на одной из сторон точное количество зарубок не равно сорока, мы имеем основания утверждать, что эта бирка является полным двойным сорочком. Это — единственный двойной сорочок в новгородской коллекции, однако известен аналогичный экземпляр из Старой Руссы, где можно увидеть четыре отдела по десять зарубок на одной стороне и три отдела по десять плюс еще пять зарубок — на другой [Ст.Р.: 87-XV, 26-8-86: НГМ КП 36156-112]. Очевидно, второй сорочок на этой бирке из Старой Руссы просто остался незавершенным.

Другая необычная черта этой бирки состоит в том, что на ней имеются два знака. Первый знак представляет собой два треугольника, соединенных перпендикулярно друг другу в одном из трех углов каждого. Весьма вероятно, что эти треугольники являются двумя соединенными греческими буквами Δ (то есть «дельта»). Подобные знаки встречаются на средневековой керамике — главным образом, на византийских амфорах средневекового периода, найденных в Восточной Европе: в Киеве, Херсоне, Саркеле — Белой Веже, в дунайской Болгарии и на терри-

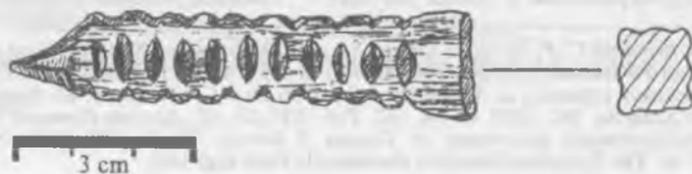

Рис. 2: Н-81, Нут. р-п, пласт 32, яр. 25, кв. 61; НГМ КП 32183/А75-114.

ториях Византийской империи.⁵ А. И. Романчук выдвинула аналогичное нашему предположение о том, что эти символы могли обозначать греческую букву «дельта».⁶ Однако, к сожалению, назначение таких дельт до сих пор не получило удовлетворительного объяснения. Тем не менее известно, что дельта в Византии, так же как и буква Д в средневековой Руси, символизировала число «4». Так как на этой бирке, очевидно, обозначены две связки по сорок меховых шкурок (или восемь десятков шкурок), мы можем полагать, что эти два треугольника были нанесены на бирку для того, чтобы зафиксировать общее количество десятков шкурок, подсчитанных на бирке. Иными словами, когда насчитывался полный сорочок, на бирке вырезали треугольник или дельту, чтобы обозначить, что эта бирка содержит такой полный сорочок (данная бирка содержала, соответственно, два сорочка).

Второй знак на этой бирке — княжеская тамга. Согласно В. Л. Янину, которому я глубоко признателен за идентификацию этого знака, тамга принадлежит Ярополку Святославичу, княжившему в Новгороде в 977—980 гг. Таким образом, датировка бирки может быть сужена до времени правления этого князя в Новгороде в течение этих лет.

Вторая бирка-сорочок (рис. 2) была обнаружена в 1981 г. на Нутном I раскопе — в квадрате 61 (территория усадьбы А), на уровне 32-го пласта (25-го яруса), который на этом участке раскопа датируется 30—40-ми гг. XI в. Согласно типологии новгородских счетных бирок, эта бирка относится к виду прямоугольных бирок с десятизначной системой счета (A-IV-c+); один из ее концов заострен.⁷ Она сохранилась неповрежденной и имеет следующие размеры: 7 см в длину и 1,3 (в самой широкой части) — 0,04 см (на конце) в ширину. Все четыре грани бирки содержат зарубки, вырезанные таким образом, что на каждой грани практически не остается свободного пространства; в целом на бирке образуется сорок зарубок: 10+10+9+11. Таким образом, эта бирка является полным сорочком — это наименьший по размерам сорочок в новгородской коллекции. Сразу обращает на себя внимание, во-первых, не равное десяти количество зарубок на двух из четырех сторон (9 и 11) и, во-вторых, не совсем обычная форма этой бирки — один ее конец имеет неглубокую выемку, а другой заострен, наподобие заточенного карандаша. Такой, на первый взгляд, странной форме предмета можно дать очень простое объяснение. Размеры бирки таковы, что она весьма удобно умещается в пространстве между большим и указательным пальцами руки. Бирщик мог зажимать ее острый конец между указательным и средним пальцами левой руки, в то время как тупой конец с выемкой упирался в большой палец, и делать зарубки правой рукой, поворачивая бирку и не вынимая ее при этом из руки. Неравное же количество зарубок можно объяснить либо как ошибку, либо как случайный перерасход пространства, в обоих случаях — с последующим исправлением.

⁵ См.: *Килиевич С. Р.* Детинец Киева IX—первой половины XIII веков: по материалам археологических исследований. Киев, 1982. С. 115. Рис. 76; *Романчук А. И.* Граффити на средневековой керамике из Херсонеса // СА. 1986. № 4. С. 174. Рис. 1: 46; *Флёрова В. Е.* Граффити Хазарии. М., 1997. С. 74, 132. Таб. XV: 83—92; *Дончева-Петкова Л.* Знаки върху археологически паметници от Плиска // Векове. VI: I. 1980. Таб. XI, XIX; *Morgan C. H.* The Byzantine Pottery // Corinth. 11. 1942. Fig. 110.

⁶ *Романчук А. И.* Граффити на средневековой керамике... С. 174.

⁷ *Ковалев Р. К.* Новгородские деревянные бирки...

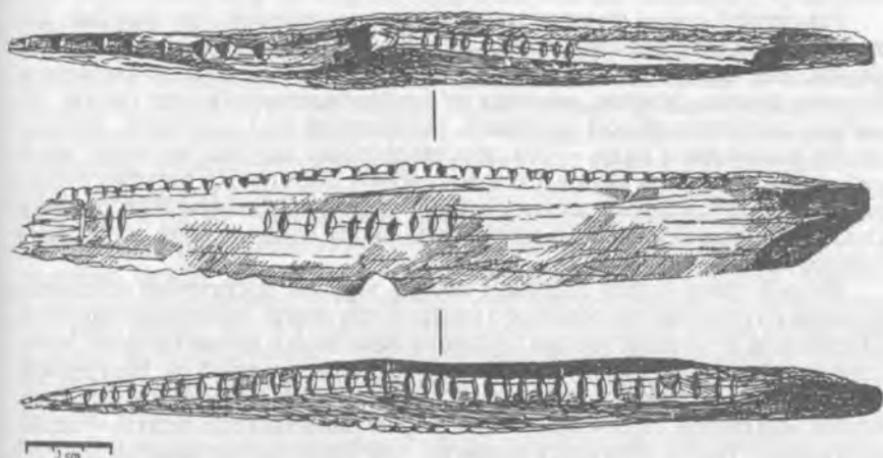

Рис. 3: Н-83, Тр. р-п, пласт 24, кв. 426.

В первом случае бирщик сделал вместо десяти одиннадцать зарубок и, обнаружив ошибку, вырезал на следующей стороне только девять зарубок, чтобы сравнить счет. Во втором случае после нанесения девяти зарубок выяснилось, что пространство на данной стороне бирки уже заполнено, и недостающая зарубка стала одиннадцатой на другой, не отмеченной до этого или не израсходованной полностью стороне. Так или иначе, общее количество зарубок на этих двух сторонах составляет двадцать штук, то есть два десятка; еще два полноценных десятка зарубок на двух других сторонах подтверждают то, что счет на этой бирке велся десятками, и в целом можно говорить о четырех десятках зарубок, отмеченных на ней.

Третью бирку-сорочок (рис. 3) археологи нашли в 1983 г. на Троицком IV раскопе — в квадрате 426 на Пробойной улице (между усадьбами Е и А), на уровне 24-го яруса, датирующегося второй половиной XI в. Согласно типологии новгородских счетных бирок, это — пример иррегулярной бирки с 10-значной системой счета (А-II-с+).⁸ Она была найдена почти неповрежденной; размеры бирки — 29,5 см в длину и 2,5—4,5 см в ширину (в самой широкой части). Эта бирка, по сравнению с другими, достаточно грубо обработана и не имеет более-менее совершенной формы; на ней можно выделить несколько неравных граней, на трех из которых вырезаны зарубки.

Рис. 4: Н-92, Тр. р-п, пласт 11, кв. 1191.

⁸ Ковалев Р. К. Новгородские деревянные бирки...

На первой грани имеется тридцать восемь зарубок; две зарубки, которых недостает до сорока, могли находиться на отломанном конце бирки. Эти тридцать восемь зарубок достаточно сходны по размерам. Каждое десятое деление, начиная от неповрежденного конца бирки, отмечено дополнительной зарубкой, вырезанной над зарубкой, находящейся в основном ряду, — эта дополнительная зарубка частично заходит на другую грань бирки. Соответственно, образуются четыре группы зарубок — три полных десятка и один неполный: десятичные отметки свидетельствуют о том, что изначально бирка содержала на этой грани четыре десятка зарубок.

Вторая грань бирки содержит восемь зарубок достаточно большого размера со стороны отломанного конца и еще десять небольших зарубок, отделенных от первых восьми глубоким желобком в дереве (видимо, естественным) и свободным пространством величиной около 5 см. На третьей, более широкой грани можно увидеть две удлиненные зарубки у отломанного конца бирки, через 4,8 см после которых нанесены еще десять — меньшей длины. Таким образом, в целом на этой бирке насчитывается 38 (+2?) [1 грань] + 8 + 10 [2 грань] + 2 + 10 [3 грань] зарубок, то есть 68 (70?) зарубок. Хотя назначение тридцати зарубок, объединенных в различные группы (8+10+2+10), пока что неясно, несомненно, что на одной из граней бирки был представлен ряд из сорока зарубок (четыре десятка). Следовательно, эту бирку можно считать биркой-сорочком, использовавшейся для подсчета сорока меховых шкурок.

Хочется также высказать ряд предположений по поводу функций зарубок, объединенных в группы, на двух других гранях бирки. Во-первых, возможно, что эта бирка использовалась для подсчета не одного, а нескольких сорочков: собирая очередную связку мехов, бирщик не вырезал новую бирку, а пользовался уже готовой. Каждый раз, когда набиралось сорок шкурок, делалась зарубка на другой стороне бирки; общее число таких зарубок означало, таким образом, количество сорочков, подсчитанных с помощью этой бирки. Во-вторых, зарубки разных размеров могли использоваться для обозначения различных мехов, содержащихся в нескольких сорочках. Так, если небольшие зарубки означали, например, сорок беличьих шкурок, зарубки больших размеров могли использоваться для учета более дорогих мехов и подразумевать, например, сорок бобровых, соболиных, куных или песцовых шкурок. В-третьих, метчик мог занести на бирку один или несколько сорочков, а рядом отметить шкурки, которых насчиталось меньше сорока. В следующей берестяной грамоте описывается подобный процесс подсчета различных мехов:

№ 7 (конец XII—1-я четверть XIII вв.): «Взыщите с Коромана ... [столько-то] гривен, 40 лисиц, 40 [таких-то шкур]... 8, 6 бобров, ...».⁹ [перевод на современный русский язык. — Р. К].

Следуя нашему третьему предположению, допустим, что сборщики дани или кредиторы Коромана могли использовать счетную бирку

⁹ Зализник А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 370; Новгородские грамоты на бересте / Под ред. А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова. М., 1953. С. 34—35.

для учета того, чем он владел, или того, что он задолжал, применив описанный выше способ.

Четвертая бирка-сорочок (рис. 4) обнаружена в 1992 г. на Троицком Х раскопе — в квадрате 1191 (территория усадьбы П), на уровне 11-го пласта (вторая половина XI в.). Эта бирка относится к виду прямоугольных бирок с десятичной системой счета (A-IV-c+).¹⁰ Бирка сломана по центру на две половины; небольшая срединная часть ее (1—1,5 см), вероятно, была утеряна. Сложив обе половины вместе, мы получим следующие размеры: 19,2 × 1,5 × 1,0 см. Только одна из четырех сторон бирки имеет зарубки, которых насчитывается 37 (...39?): бирка сломана прямо посередине ряда зарубок, между вторым и третьим десятком. Сохранившиеся зарубки более-менее идентичны по размерам; они нанесены ровно, по всей длине стороны бирки. Как и в предыдущем случае, отчетливо видно разделение зарубок на четыре отдела — от краев десятой зарубки первого и десятой зарубки третьего отделов, вертикально по отношению к ряду зарубок, прорезаны тонкие желобки, которые, по-видимому, опоясывают бирку и являются знаками, разделяющими отделы; такой же желобок явно проходил между вторым и третьим отделами — часть его можно увидеть на правой стороне бирки. Начиная считать с той стороны, где зарубки расположены дальше от конца бирки (на рис. 4 — слева направо), увидим, что они распределяются следующим образом: 10 + 8 (...10?) + 10 + 9. Во втором отделе можно с уверенностью насчитать семь зарубок, видно левую часть восьмой и правую часть последней зарубки перед третьим отделом. Так как непонятно, каким образом бирка была повреждена, и неизвестно количество зарубок, находившихся на ее утерянной части, невозможно установить точно, сколько зарубок было во втором отделе — восемь, девять или десять. Однако количество зарубок в первом, третьем и четвертом отделах (10, 10 и 9) убеждает нас в том, что бирка должна была иметь четыре десятка зарубок, в том числе десять зарубок во втором отделе, и являться, следовательно, биркой-сорочком. По всей видимости, на этой бирке, до того как она была сломана, имелось 39 зарубок (вопрос, почему в некоторых случаях в последних отделах бирок-сорочков получалось девять зарубок вместо десяти, подробно будет рассмотрен ниже).

Пятая бирка-сорочок (рис. 5) была раскопана в 1956 г. на Неревском XIX раскопе, около Великой улицы — в квадрате 1121А (территория усадьбы Е), на уровне 17—18-го ярусов (23-го пласта), датирующихся началом 60—концом 90-х гг. XII в. Это бирка цилиндрического вида, с 10-значной системой счета (A-I-c+).¹¹ Она сохранилась неповрежденной, однако шесть ее зарубок были срезаны или затерты до того, как она попала в культурный слой. Бирка имеет длину 13,8 см и толщину 2 см; зарубки нанесены на две ее стороны от одного конца до другого. На первой стороне — двадцать зарубок, два десятка разделены дополнительной зарубкой; на второй — только девятнадцать, и разделяющая десятки отметка отсутствует. Очевидно, двадцатая зарубка второй стороны, то есть десятая зарубка четвертого десятка, так и не была сделана бирщиком. Вновь вместо ожидаемых сорока зарубок бирка содержит только тридцать девять.

¹⁰ Ковалев Р. К. Новгородские деревянные бирки...

¹¹ Там же.

Рис. 5: Н-56, Нер. р-п, пласт 23, яр. 17-18, кв. 1121А; НГМ КП 35237/364.

Рис. 6: Н-52, Нер. р-п, пласт 15, яр. 13-4, кв. 467; НГМ КП 26507-А-40/11; находится на экспозиции в Новгородском Государственном музее (НГМ), эксп. зал № 4.

Рис. 7: Н-90, Тр. р-п, пласт 3, кв. 827; НГМ НВ 22554/А120-120.

Рис. 8: Н-90, Тр. р-п, яр. 8, кв. 960; НГМ КП 38433/А-12/933.

Шестая бирка-сорочок (рис. 6) была найдена в 1952 г. на Неревском VI раскопе — в квадрате 467 (территория усадьбы В), на уровне 13—14-го ярусов (15-го пласта), которые датируются 1238—1281 гг. Это также цилиндрическая бирка, с 10-значной системой счета (А-I-c+);¹² она сохранилась неповрежденной. Бирка имеет 36 см в длину и 1,3—2,3 см в ширину, на ней насчитываются все сорок зарубок, большинство из которых одного размера; зарубки проходят почти по всей длине бирки и завершаются за 9 см до ее конца. Каждые десять зарубок из сорока отмечены дополнительными зарубками, нанесенными поверх основного ряда. Таким образом, эта бирка является полным сорочком.

Седьмую бирку-сорочок (рис. 7) нашли в 1990 г. на Троицком IX раскопе — в квадрате 827 (между усадьбами З, М и П), на уровне 3-го пласта, который на этом участке датируется первой половиной XIII в. Это бирка иррегулярного вида, с 10-значной системой счета (А-II-c+).¹³ Хотя по форме бирка и иррегулярна, видно, что изначально она делалась как длинная цилиндрическая. Бирка имеет 30,2 см в длину и 0,9—1,2 см в ширину, на одном конце она сломана, вследствие чего вдоль бирки образуется небольшая трещина. Несмотря на это все сорок зарубок сохранились и отчетливо видны. Большинство зарубок идентичны по размерам, они проходят вдоль большей части бирки и завершаются приблизительно за 10,3 см от ее конца (точнее сказать невозможно, так как этот конец сломан). Над каждой десятой зарубкой сделаны дополнительные зарубки, отделяющие десятки друг от друга. Опять перед нами полный сорочок.

Восьмая бирка-сорочок (рис. 8) найдена в 1990 г. на Троицком IX раскопе — в квадрате 960 (на территории Черницыной улицы, между усадьбами Ж и М), на уровне 8-го яруса, датирующегося 1285—1300 гг. Бирка цилиндрическая, с 10-значной системой счета (А-I-c+).¹⁴ Она сохранилась неповрежденной и имеет размеры 32,1 см в длину и 1,1—1,6 см в ширину. Общее число зарубок — 39: один из крайних отделов содержит только девять зарубок. Большинство делений приблизительно одинаковы по размеру, они нанесены почти по всей длине бирки и завершаются за 8,6 см до ее конца. Каждые десять зарубок отмечены дополнительными зарубками, сделанными поверх основного ряда, таким образом, выделено четыре отдела — три десятка плюс девять зарубок. Как уже упоминалось, о бирках-сорочках с 39 зарубками будет сказано отдельно.

Описав основные характеристики каждой из восьми бирок-сорочков, перейдем к изложению общих наблюдений над этими бирками в целом.

1. При изучении счетных бирок, описанных выше, становится очевидным существование в Новгороде системы счета по сорок единиц, точнее, четырем десяткам. Опираясь на различные (литературные и изобразительные) источники, из которых можно почерпнуть информацию о так называемых сорочках — стандартных упаковках мехов, рас-

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

пространенных на Руси и состоящих из сорока шкурок, собранных в четырех связках по десять штук, — можно сделать вывод о том, что подобные бирки с четырьмя десятками делений применялись именно для подсчета меховых шкурок при их упаковке в сорочки. Обратившись к одному из документов середины XIV в.—IV-й Скре ганзейской Конторы в Новгороде, — узнаем следующее: «... и он [за приобретение мехов низкого качества] платит штраф... за сорок (tummer) таких мехов он платит столько же, сколько бы платил за тысячу; за десять столько же, сколько за сорок».¹⁵ Из этого отрывка статьи Скры следует, что в новгородской торговле мехом существовало три категории счета меховых шкурок: по десять, по сорок и по тысяче. Четыре десятка шкурок упаковывались в сорочок; 25 сорочков составляли тысячу шкурок.

2. Бирки-сорочки, найденные на раскопках Новгорода, на столетие предваряют первое письменное сообщение о нем. Самое раннее упоминание о древнерусском сорочке можно найти в берестяной грамоте № 910 (предварит. стратигр. последней четверти XI в.).¹⁶ Однако обнаружение счетных бирок-сорочков в слоях от второй половины X в. дает право утверждать, что в это время сорочок как счетная единица уже был в употреблении на севере Руси.

Особый интерес представляет найденная в Новгороде бирка-сорочок, датирующаяся второй половиной X в., то есть относящаяся приблизительно к тому времени, когда появляются наиболее ранние литературные упоминания об упаковке мехов в связки по сорок штук. В середине X в. (говоря, правда, о событиях середины IX в.) Константин Багрянородный писал: «В благодарность за эту услугу Михаил Борис дал им [то есть сербам. — К. Р.] большие дары, и они взамен дали ему в качестве подарка двух рабов, двух соколов, двух собак и 80 шкур меха, о чем болгары говорят как о пакте».¹⁷ Так как все подарки, присланные Михаилом Борисом сербам, были парными, становится очевидным, что указанные при перечислении даров восемьдесят шкурок представляли собой ни что иное, как два сорочка. Это свидетельство о меховых шкурках, общее количество которых кратно сорока, почти на двести лет предваряет древнерусские литературные источники, в которых непосредственно упоминается сорочок. Таким образом, описанная нами бирка № 1 служит доказательством того, что в северо-западных землях сорочок существовал уже со второй половины X в.

Что является еще более интересным, бирка № 1 говорит нам о том, что применение сорочка в Новгороде уже во второй половине X в. было тесно связано с фискальным аппаратом князя. В Уставной грамоте князя Святослава Ольговича 1136/1137 гг. сорочок фигурирует как единица дани, назначенной Святославом Ольговичем для ежегодного пожертвования от своих княжеских доходов в пользу Софийского собора в качестве десятины.¹⁸ находка бирки № 1 с княжеской тамгой, датиру-

¹⁵ Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII bis XVII. Jahrhundert / Hrsg. von W. Schlüter. Dorpat, 1911. Ст. 89.

¹⁶ Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из Новгородских раскопок 1999 г. // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 9—10.

¹⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империи. М., 1991. С. 143.

¹⁸ Законодательство Древней Руси // Российское законодательство X—XX вв. / Под ред. О. И. Чистякова. Т. I. Под ред. В. Л. Янина. М., 1984. С. 224—225.

ющейся 977—980 гг., свидетельствует о том, что уже в конце X в. новгородские князья получали дань в виде мехов, упакованных в сорочки.

3. Бирки-сорочки, подобные раскопанным в Новгороде, находили и в других местах — на территории Древней Руси и за ее пределами. Известны две такие русские бирки — одна из Ростова Великого,¹⁹ другая — из Старой Руссы [см. выше] (обе датируются первой половиной XI в.) — и две скандинавские, найденные при раскопках Стокгольма, Швеция (датируется первой половиной XIV в.)²⁰ и на Бриггене в Бергене, Норвегия (датируется около 1200 г.).²¹ В то время как скандинавские бирки имеют систему обозначений, во многом отличную от той, которая используется на новгородских (на бирке из Бергена — десять отделов по четыре деления, а на бирке из Стокгольма — восемь отделов по пять делений), все русские бирки содержат по четыре отдела по десять делений каждый, что говорит о неуклонном следовании принципу счета мехов четырьмя десятками в средневековой Руси, — и в географическом плане, и в хронологическом. Бирки из трех русских городов являются более ранними по сравнению со скандинавскими. Этот факт существенно подкрепляет выдвинутую нами ранее гипотезу о том, что сорочок как единица счета мехов по сорок штук сперва (в XI—начале XII в.) стал широко использоваться на Руси, а затем (с середины XII—XIII в.) постепенно был перенят балтийскими странами и распространился далее, на Запад.²²

4. На каждой из восьми новгородских бирок общее количество зарубок распределено так, что можно выделить четыре части (отдела); в тех случаях, когда все зарубки сорочка нанесены на одной стороне бирки, такие отделы отмечены дополнительными зарубками, вырезанными над зарубками основного ряда либо между отделами (исключения составляют бирка № 5, где отсутствует одна из разделительных черт между двумя десятками, и бирка № 1, зарубки одного из двух сорочков которого не отмечены дополнительными чертами). Таким образом, каждый отдел бирки содержит или должен содержать десяток зарубок, что в целом и составляет сорочок. Хотя пять из восьми бирок действительно содержат по десять зарубок в каждой из четвертей, так что на каждой бирке образуется по сорок зарубок, на трех экземплярах (№ 4, № 5 и № 8) в одном из крайних отделов имеется только по девять зарубок — соответственно, в целом выходит не сорок, а только тридцать девять зарубок. Так как была найдена не одна бирка с тридцатью девятью зарубками, встает вопрос о том, как объяснить подобные недосчеты. Были ли они ошибками бирщика или преднамеренными попытками мошенничества с его стороны? Несмотря на то что такие варианты исключать не стоит, можно найти еще одно, простое объяснение, которое вытекает непосредственно из наблюдений над самими бирками. Как отмечалось выше, на всех трех бирках с тридцатью девятью зарубками девять зарубок находятся в одном из крайних отделов,

¹⁹ См.: *Леонтьев А. Е.* Ростов эпохи Ярослава Мудрого: по материалам археологических исследований // История — археология: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 139—140, 143. Рис. 7:1.

²⁰ *Grandell A.* Helgeandsholmens karvstocksfynd // *Fornvännen*. 79. 1984. S. 242—246.

²¹ *Idem.* Finds from Bryggen Indicating Business Transactions // *The Bryggen Papers, Supplementary Series*, 2. Oslo, 1989. P. 67. Fig. 2.

²² *Noonan T. S., Kovalev R. K.* The «Furry Forties»...

точнее, в том, где последняя зарубка расположена ближе к концу бирки. Вероятно, бирщик начинал наносить зарубки от противоположного конца бирки, и во всех трех случаях ему просто не хватало места для последней зарубки четвертого десятка. Это легче всего пояснить на примере бирки № 8, которая, как и две другие цилиндрические бирки-сорочка, имеет «ручку» (см. ниже), — именно от нее бирщик начинал вырезать зарубки. Как раз в четвертом десятке — то есть последнем десятке от ручки — недостает одной зарубки. В отличие от длинных цилиндрических биров со всеми сорока делениями (№ 6 и № 7), на этой бирке имеется очень мало свободного места после завершающей ряд 39-й зарубки на противоположном от ручки конце для того, чтобы нанести еще одну. Похоже, бирщик просто не рассчитал пространство так, чтобы нанести все сорок зарубок.

Аналогичный пример представляет собой бирка из Ростова, на которой также имеется только 39 зарубок. Как и на новгородских бирках, десятки разделены тремя удлинненными зарубками, при этом сороковая зарубка отсутствует. В этом случае также не хватает пространства в конце четвертого десятка для нанесения последней зарубки сорочка — однако на ростовской бирке есть одна деталь, отсутствующая на новгородских: на ее противоположной стороне, в нескольких сантиметрах от центра, нанесены четыре отдельные зарубки.²³ Весьма вероятно, что эти четыре зарубки были сделаны для того, чтобы обозначить полный сорочок, то есть четыре связки по десять мехов. Если это так, то несмотря на наличие только 39 зарубок на этой бирке (с разделением на десятки!) несомненно, что она использовалась для подсчета сорока мехов, или целого сорочка. Возможно, в будущем будет найдено иное объяснение столь странного отклонения от нормы на нескольких бирках.

5. Восемь биров-сорочков, найденных в Новгороде, представляют собой три основных вида новгородских биров — цилиндрические, иррегулярные и прямоугольные.

Хотя три поздние длинные цилиндрические бирки-сорочка (№ 6—8) происходят из разных частей Новгорода, у них есть много общего. Все три датируются XIII в. и являются цилиндрическими бирками; их размеры также весьма схожи: от 30,2 до 36 см в длину и от 0,9 до 2,3 см в ширину. Кроме того, на всех трех имеется свободное от зарубок пространство от 8,6 до 10,3+ см на одном из концов, притом что по направлению к этим концам бирки слегка заужены. Посмотрев на эти три бирки более внимательно, можно заметить, что зарубки, сделанные на них, начинаются именно от этого свободного пространства и завершаются в противоположном направлении, смещаясь справа налево под определенным углом по мере того, как они заполняют бирку. Заметно, что зарубки становятся меньшими по размеру и глубине (особенно на бирке № 6) ближе к концам биров. Это наталкивает на мысль о том, что бирщик держал бирки за «ручки» в левой руке (имеется в виду свободное пространство в 8,6—10,3+ см, которое по размерам соответствует как раз ширине человеческой ладони) и делал зарубки острым предметом — очевидно, ножом, — находящимся в правой руке. Сначала бирщик вырезал зарубки ближе к «ручке»; все больше отдаляясь от

²³ Леонтьев А. Е. Ростов эпохи Ярослава Мудрого... С. 143. Рис. 7:1.

не по мере нанесения делений, он незаметно поворачивал запястье левой руки вправо для лучшего упора и баланса, поэтому ряд зарубок сдвигался под углом вверх и влево от точки упора ближе к концу бирки.

6. Остальные пять, хронологически более ранних, бирок (№ 1—5) не разделяют ни одной из характеристик с тремя бирками, описанными выше, кроме того что они также являются деревянными бирками-сорочками, и что бирки № 1 и № 5 цилиндрические (но более короткие, чем три поздние цилиндрические бирки). Все пять ранних бирок — различных типов; зарубки вдоль их плоскостей вырезаны в соответствии с прямыми линиями, без смещений (особенно на бирке № 4). На всех этих пяти бирках фактически не имеется свободного пространства на одном из концов, позволяющего бирщику удобно расположить бирку в руке, не меняя ее положения для того, чтобы нанести все сорок делений, — зарубки на них вырезаны почти от края до края. Имея дело с бирками такого размера, бирщик, держась за один конец бирки, мог нанести не более двадцати зарубок ближе к противоположному ее концу, а затем вынужден был ухватиться за этот противоположный, уже отмеченный, конец, чтобы нанести остальные. Это может служить объяснением того, почему зарубки на таких бирках сделаны вдоль относительно прямых линий, — бирщику было достаточно легко приспособиться к размеру и расположению уже сделанных зарубок после десятой-двадцатой отметки. Тем не менее, очевидно, что с хронологически более поздними, длинными цилиндрическими бирками работать было гораздо проще, чем с короткими. Длинные цилиндрические бирки, по сравнению с ранними бирками различной формы, представляют собой более усовершенствованный образец, с учетом утилитарной функции изделия. Принимая во внимание то, что новгородская торговля пушниной с балтийскими странами активизировалась во второй половине XIII в.,²⁴ вполне естественно полагать, что новгородцы искали более удобные и эффективные способы подсчета меховых шкурок. С другой стороны, такие бирки являются одним из свидетельств этого всплеска торговли пушниной в Новгороде в конце XIII в.

7. Необходимо также отметить, что до сих пор не были найдены бирки-сорочки, относящиеся к более позднему периоду — XIV—началу XV вв., то есть к тому времени, когда торговля мехами в Новгороде переживала расцвет; известно, что на протяжении этих веков счетные бирки продолжали широко использоваться новгородцами.²⁵ Письменные источники подтверждают, что сорочок был распространен на Руси как в этот период, так и гораздо позднее средневековой эпохи.²⁶ Поэтому отсутствие бирок-сорочков среди находок, относящихся к XIV—XV вв., кажется весьма странным. Возможно, дело заключается в том, что целые, неповрежденные экземпляры пока просто не обнаружены. Среди найденных в Новгороде к настоящему времени бирок — около 10% сломанных счетных бирок, датирующихся XI—серединой XV вв., на многих из них использована 10-значная система обозначений.²⁷ Не-

²⁴ Martin J. *Treasure of the Land of Darkness: The fur trade and its significance for medieval Russia*. Cambridge, 1986. P. 61—68.

²⁵ Ibid.

²⁶ Noonan T. S., Kovalev R. K. *The «Furry Forties»...*

²⁷ Ковалев Р. К. Новгородские деревянные бирки...

которые из этих сломанных бирок вполне могли быть бирками-сорочками. Без сомнения, будущие новгородские раскопки откроют нам большее количество неповрежденных бирок, в том числе и бирок-сорочков, относящихся к разным периодам в новгородской экономике.

8. Особого внимания заслуживает топографическое распределение наших бирок-сорочков. Пять бирок (№ 2, 4—7) были найдены на территории городских усадеб, а остальные три (№ 1, 3, 8) — на двух мостовых Троицкого раскопа. При анализе местонахождения бирок обнаружилась взаимосвязь между такими находками и находками берестяных грамот, в которых упоминаются сорочки и «белы» (беличы шкурки).

Три из пяти бирок-сорочков, найденных на Троицком раскопе, происходят с комплекса трех усадеб — П, М и З. На усадьбе П и смежной с усадьбами П и З усадьбе И, а также на прилежащих к П и И территориях были обнаружены берестяные грамоты, датирующиеся 1120-ми — концом 1220-х гг. — в этих грамотах говорится о сорочках, белых и дани в форме пушнины: И — № 649, № 650, № 681, № 683, № 739; и П — № 722.²⁸ Кроме того, на усадьбе Е (расположенной через дорогу напротив усадьбы З) была обнаружена берестяная грамота 910 (последняя четверть XI в.), в которой упоминается сорочок. На усадьбе Е археологи нашли также сорок цилиндров-бирок, датирующихся XI—XII вв., которые использовались для того, чтобы скреплять мешки со шкурками, поставлявшимися в Новгород в качестве дани.²⁹ Любопытно, что сорочки и белы упоминаются только в перечисленных выше грамотах с Троицкого раскопа. Из содержания грамот явствует, что занятия людей, населявших эти усадьбы в XII—начале XIII вв., были тесно сопряжены с мехами, особенно с беличьими; при этом широко использовались сорочки.

В некоторых берестяных грамотах XII в. (№ 683, № 685 и № 739),³⁰ раскопанных на усадьбе И, не только упоминаются сорочки, но также говорится о добывании мехов (как при сборе дани, так и посредством приобретения) в отдаленных северных новгородских землях — Заволожье и Онеге. Кроме берестяных грамот существуют иные доказательства, связывающие этот комплекс усадеб с приобретением мехов на крайнем Севере. Например, есть причины полагать, что на усадьбе П в XII—начале XIII вв. существовала мастерская, специализировавшаяся на производстве охотничьего снаряжения: в этом месте обнаружили недоделанный лук (вторая четверть XIII в.)³¹ и целую стрелу с тупым наконечником, прикрепленным к ее передней части, так называемым томаром (начало XII в.).³² Стрелы с такими наконечниками

²⁸ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 45, 66, 67; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 268—269, 322, 354—355, 372.

²⁹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из Новгородских раскопок 1999 г. С. 3—4, 12—13.

³⁰ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 256—257, 268.

³¹ Артемьев А. Р., Гайдуков П. Г. Лук XIII в. из Новгорода // РА. 1992. № 3. С. 218—220.

³² Гайдуков П. Г., Макаров Н. А. Новые археологические материалы о пушном промысле в древней Руси // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 7. Новгород, 1993. С. 181—183. Рис. 2 и 3.

использовались специально для охоты на пушного зверя и, в частности, белок.³³ Этот томар сделан на токарном станке, что говорит о том, что его изготовили в специализированной мастерской, вероятно, городской — скорее всего, в Новгороде, предположительно, на усадьбе П. Далее, на ряде усадеб Троицкого раскопа были найдены обрезки рога северного оленя — примерно треть из них происходит с усадьбы П.³⁴ Так как томары делались именно из этого материала, обнаружение столь значительной части подобных находок на той же усадьбе, где была найдена упомянутая нами стрела, вряд ли является простым совпадением. Л. И. Смирнова отмечает, что из 108 томаров, найденных в Новгороде к 1993 г., 102 изготовлены из рога северного оленя и пося.³⁵ Известно, что вид оленей, особям которого принадлежат найденные на усадьбе П обрезки рогов, обитает в районах, расположенных значительно севернее Новгорода, следовательно, такие рога импортировались в Новгород именно из этих районов, вместе с добываемыми там же мехами. Уже в самом Новгороде из рогов делались томары, использовавшиеся для охоты на пушнину, которые, вероятно, экспортировались затем обратно в богатые мехами северные земли. Там они либо попадали к местным охотникам в обмен на пушнину, либо использовались сборщиками дани и их помощниками.

Итак, на основе вышеуказанных берестяных грамот, бирк-сорочков и других археологических данных можно с уверенностью говорить о том, что жители усадеб И, М, П и З были непосредственно связаны со сбором податей пушнины и покупкой последней в дальних северных районах новгородских земель. В процессе такой деятельности они применяли бирки-сорочки для подсчета и упаковки меховых шкурок (преимущественно, беличьих) в стандартные рыночные единицы — сорочки.

Обратившись к биркам-сорочкам, обнаруженным на Неревском раскопе, мы увидим такую же картину. Самый значительный комплекс сорочков и берестяных грамот, в которых говорится о «белах» и сорочках, сконцентрирован на усадьбе К. Здесь, в пластах 22—23 (16—17-го ярусов), были раскопаны не только несколько берестяных грамот с упоминанием сорочков и белок (№ 230 — кв. 1207; № 223 — кв. 1229), но также грамота, в которой говорится о сортировке мехов (№ 225 — кв. 1243).³⁶ Эта грамота была найдена в том же квадрате, что и долговая бирка-сорочок (кв. 1243) — бирка, которая использовалась для операций, связанных с займом сорочков, вероятно, под проценты.³⁷ Несмотря на то, что берестяная грамота № 225 была найдена в 22-м пласте, а долговая бирка — в 23-м, хронологи-

³³ Там же. С. 181—183; Смирнова Л. И. Еще раз о тупых стрелах (к вопросу об охотничьем промысле в средневековом Новгороде) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 143—156.

³⁴ Смирнова Л. И. Состав сырья костерезов древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 126.

³⁵ Она же. Еще раз о тупых стрелах... С. 147.

³⁶ Ариховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 45—47, 52; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 315—316, 364—366; Noonan T. S., Kovalev R. K. 1) Что говорят берестяные грамоты об экономике Киевской Руси // Russian History / Histoire Russe. 25:1—2. 1998. P. 49; 2) The «Furry Forties».

³⁷ См.: Ковалев Р. К. Деревянные долговые бирки-сорочки XI—XII вв. из новгородской коллекции (в наст. изд.).

ческая близость этих пластов позволяет отнести эти находки к одному комплексу, свидетельствующему о занятости мехами и использовании сорочков на этой усадьбе. Кроме этого, на территории усадеб, прилегающих к усадьбе К, обнаружены еще четыре берестяных грамоты с упоминанием сорочка: № 260 (70-е—80-е гг. XIV в.) и № 278 (50-е—80-е гг. XIV в.)³⁸ — на усадьбе Е; № 7 (конец XII—первая четверть XIII вв.)³⁹ — на усадьбе Б и № 336 (середина 10-х—середина 30-х гг. XII в.)⁴⁰ — на усадьбе Д. Наконец, на усадьбе Е, которая находится прямо напротив усадьбы К по Козмодемьянской улице, найдена счетная бирка-сорочок № 5, которая хронологически совпадает с комплексом «сорочков-бел» второй половины XII в. на усадьбе К.

Таким образом, как и на Троицком раскопе, на Неревском раскопе обнаруживается сходный комплекс берестяных грамот и бирок-сорочков, сконцентрированных на определенных усадьбах. Такие комплексы свидетельствуют о том, что жители усадеб М, П, З и И Троицкого раскопа и усадеб К, Е, Б и Д Неревского раскопа были тесно связаны с обработкой мехов, в частности, с упаковкой их в сорочки. Кроме того, обнаружение определенных берестяных грамот рядом с бирками, на которых насчитывается четыре десятка зарубок, во многом подтверждает гипотезу о том, что такие бирки использовались именно для подсчета мехов в сорочках.

9. Скопления бирок-сорочков и берестяных грамот внутри комплексов усадеб приводят к дальнейшим интересным заключениям. Такие скопления выявляются на усадьбах знатных представителей новгородского общества. Территория, на которой были раскопаны бирки № 5 и № 6, либо относилась к собственно владениям, либо была связана с усадьбами, принадлежавшими в конце XIII—XIV вв. (а возможно, и ранее) влиятельному боярскому роду Мишиничей-Онцифоровичей.⁴¹ Местонахождение бирок № 4 и № 7 относилось к дворам, связанным с другим боярским родом — Несдычей-Мирошиничей, которые играли доминирующую роль в новгородской политике в течение второй половины XII—начала XIII вв.⁴²

Представители обоих этих родов занимали высшие посты гражданской власти города — многие из них являлись вирниками и посадниками города. Частью гражданских обязанностей вирников и посадников являлась ответственность за сбор различных вир — пошрины, дани, штрафов и других гражданских взносов в княжескую/городскую казну. Одной из основных форм выплаты вир в Новгороде был мех. Большая часть мехов проходила непосредственно через руки (и усадьбы!) вирников и посадников — первые были в подчинении у последних, и именно

³⁸ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). С. 86—87, 104—105; Зализник А. А. Древненовгородский диалект. С. 500, 507—508.

³⁹ Арциховский А. В., Боровский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). С. 34—35; Зализник А. А. Древненовгородский диалект. С. 370.

⁴⁰ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963. С. 24—26; Зализник А. А. Древненовгородский диалект. С. 257—258.

⁴¹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 25—37.

⁴² Янин В. Л., Зализник А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 10—16.

⁴³ Янин В. Л. Археологические комментарии к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138—155.

в их полномочия входил сбор вир.⁴³ Это может служить объяснением того, почему бирки-сорочки были найдены на территории усадеб обоих этих родов и рядом с этими усадьбами: именно сюда приносили меха для их дальнейшей обработки, пересчета и упаковки в сорочки, продававшиеся затем на экспорт. Найденные на этих местах бирки-сорочки, несомненно, являлись частью этого процесса.

10. В связи с русским сорочком возникают некоторые соображения по поводу происхождения термина *timber*, обозначающего сорок меховых шкурок в языках германской группы. Этот термин и его производные (гол. и шв. *timmer*; нем. *zimmer*; англ. и амер. англ. *timber*) можно найти в современных словарях. Тем не менее, пока что этимология термина четко не выявлена. Возможно, наиболее близко к разрешению этого вопроса подошли братья Grimm в «Словаре немецкого языка». В соответствующем толковании они приводят источники нового и новейшего времени, в одном из которых указывается, что *zimmer/timber* — это «узаконенное количество мехов в сорок шкурок, упакованных между двумя деревянными досками».⁴⁴ Логически из этого следует, что термин *timber*, означавший сорок меховых шкурок, непосредственно связан с обычным употреблением слова «*timber*» в германских языках — прежде всего, «дерево, лес». Это определение кажется практически неоспоримым. Однако версия о присвоении слову *timber* значения «единица из сорока мехов» в связи с использованием деревянных досок, между которыми упаковывались сорок меховых шкурок, кажется весьма сомнительной.

Хотя в новое время меха упаковывались, скорее всего, именно таким образом — между двумя деревянными досками, — мы не располагаем свидетельствами о том, что так было и в более ранние времена. Кроме того что ни в одном источнике не сообщается о том, что в средние века доски служили для упаковки мехов, представляется совершенно невероятным, чтобы купцы транспортировали меха в такой тяжелой и громоздкой упаковке — особенно на ранних стадиях развития торговли мехами в Восточной Европе, то есть в то время, когда меха начали считать по сорок штук, и именно на той территории, где эта единица стала стандартной для счета пушнины.⁴⁵

При отсутствии доказательств того, что меха упаковывались между двумя деревянными досками, известны древнерусские источники, которые сообщают об иных методах упаковки мехов. Один из них — миниатюра в Кенигсбергской летописи,⁴⁶ рассмотрев которую, мы можем создать себе представление о том, как выглядел русский меховой сорочок. В центре этой миниатюры находится изображение связки мехов, разделенных на четыре части и подвешенных к кольцу (рис. 9). А. В. Арциховский сообщает: «Такая связка употребляется до сих пор русскими охотниками и носится на кольцах из ивовых прутьев... Древность этого способа засвидетельствована таким образом Кенигсберг-

⁴⁴ Zimmer // Deutsches Wörterbuch. Bd. 15 (Z—Zmasche) / Hrsg. J. Grimm, W. Grimm. Leipzig. 1956. S. 1308.

⁴⁵ Noonan T. S., Kovalev R. K. The «Furry Forties»...

⁴⁶ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 25—26. Рис. 3.

⁴⁷ Там же. С. 25.

Рис. 9: Сбор дани: Кенигсбергская (Радзивилловская) летопись.

Рис. 10: Кожевники за работой (*Magnus Olaus*,
Historia de Gentibus Septentrionalibus. Roma 1555).

ской летописью». ⁴⁷ Мы видим, таким образом, что при упаковке мехов в сорочок применялась та же система, что и при ведении подсчетов на деревянных счетных бирках, названных нами бирками-сорочками (4 × 10 = 40), и что меховые связки подвешивали к деревянному кольцу, а не закрепляли между досками.

В связи с вышесказанным очень интересно отметить, что подобные, если не точно такие же кольца в средние века для транспортировки и упаковки меховых шкур были в употреблении и в Западной Европе. Например, такие кольца можно увидеть на одном из рисунков в «Истории северных народов» Олафа Магнуса, изданной в 1555 г. (рис. 10). ⁴⁸ На этом рисунке изображены несколько кожевников, сшивающих так называемый мех (*fur*, также *furrura*, *penula*, *penne*, *pane*, *mantle*), который обычно состоял из восьми *tiers* или *fessi*, представляющих собой полосы из 15 шкур, сшитых вместе. ⁴⁹ Таким образом, эти «меха» («furs») сшивались из 120 шкур в целом — то есть из трех сорочков. Затем «меха» раскраивались скорняками. На заднем плане описываемого рисунка, за спинами у кожевников, мы видим кольца, прикрепленные к стене, с подвешенными к ним меховыми шкурками. Изображение этих колец уже знакомо нам по миниатюре из русской хроники. С определенной долей вероятности можно предположить, что такие кольца с подвешенными к ним мехами были завезены в Западную Европу с Руси и являлись именно сорочками. В процессе обработки кожевниками шкурки сшивались в «меха», из которых впоследствии производилась подкладка для кафтанов.

В средневековых скандинавских, германских и русских письменных источниках указывается, что меха с севера Восточной Европы в балтийские страны перевозились в бочках (так называемые *tunna*). ⁵⁰ Как сообщают ганзейские записи, бочки, использовавшиеся для транспортировки беличьих шкур из Новгорода, вмещали от 5000 до 12 000 мехов. ⁵¹ Возможно, подобные бочки, в которых содержались меховые сорочки, описываются в новгородской былине о Садко: в некоторых версиях легенды указывается, что Садко взял на борт своего корабля бочки-сороковки. ⁵²

Необходимо также сказать о вероятности еще одного косвенного упоминания о бочках, или *tunna*, содержащих, в данном случае, 200 сорочков/*timber*. Имеется в виду исландская «Сага о Кнютлингах», созданная в середине XIII в., но описывающая события более ранних времен. ⁵³ Автор саги сообщает, что королем Дании Кнотом с дипломатической миссией к князю Гарольду (Мстиславу) I, который правил

⁴⁸ *Magnus Olaus. A Discription of the Norhtern Peoples. Rome, 1555. Vol. II (Hakluyt Society, 2nd Ser. Vol. 187. Transl. by P. Fisher and H. Higgins, ed. by P. G. Foote. London, 1998. P. 309).*

⁴⁹ *Veal E. M. The English Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966. P. 28—29, 117—118.*

⁵⁰ *Snorre Sturlason Heimskringla. New York, 1990. P. 376; Зализник А. А. Древненовгородский диалект. С. 576—577. Ст. 2, 5; Хорошевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963. С. 25, 70—71, 107.*

⁵¹ *Хорошевич А. Д. Торговля Великого Новгорода. С. 70—71, 107.*

⁵² *Былины о Садке // Новгородские былины. М., 1978. С. 153, 165.*

⁵³ *Gudnason B. Knytingla saga // Dictionary of the Middle Ages. New York, 1986. Vol. 7. P. 281.*

⁵⁴ *Vernadsky G. Kievan Russia. New Haven; London, 1948. P. 96—97.*

Новгородом до 1117 г.,⁵⁴ был послан купец Видгаутр. Перед тем как покинуть Данию, Видгаутр пообещал королю [перевод на русский язык. — Р. К.]:⁵⁵

«...þer skuluð þiggiа af mér XL serkja grárra skinna, en V timbr eru í serk, en XL skinna í timbr».

«...Вы получите от меня сорок серкиров (то есть мешков) серых шкурок (то есть белок), по пять *tim/bjer* в серке и сорок шкурок в *tim/bjer*».

Иными словами, Видгаутр сказал, что он привезет из Новгорода 8000 беличьих шкурок в сорока мешках, в каждом из которых должно быть по пять *timber* (то есть сорочков), содержащих по сорок меховых шкурок, или 200 шкурок. Использование мешка (древнерусское *мех*, нижнегерманское *Secke, Schinsecken*) в подобных целях отмечается в ряде средневековых русских и ганзейских текстов.⁵⁶ Говорил ли Видгаутр о типичных бочках для транспортировки 200 сорочков, то есть 8000 шкурок? Если да, то автор исландской саги XIII в. был прав, описывая объем таких бочек, так как стандартная бочка, использовавшаяся ганзейскими купцами в XIII—XV вв., вмещала в среднем 8000 меховых шкурок. Основываясь на всем сказанном выше, возможно реконструировать существовавший в средневековье принцип подсчета шкурок при их упаковке для транспортировки из Новгорода в балтийские страны: 10 шкурок × 4 = 1 сорочок/*timber* (4 связки по 10 шкурок, подвешенные к кольцу), то есть 40 шкурок × 5 = 1 мех/*serk* (мешок), то есть 200 шкурок × 5 = 1000 шкурок (5 мешков) × 8 = 1 сороковка/*tunna* (бочка), то есть 8000 шкурок.

Вышесказанное позволяет выдвинуть предположение о том, что истоки термина *timber* следует искать, исходя из ассоциации с русскими деревянными счетными бирками-сорочками. Поясним это предположение.

Термин *timber* (староангл. *tymmyr, tymmer*) в первый раз упоминается в западноевропейских источниках в 1150 г. — в шотландской налоговой грамоте;⁵⁷ в течение позднего средневековья он распространяется в странах Северной Европы и становится стандартным для обозначения упаковки из сорока мехов — в таком значении этот термин употребляется до сих пор. В предыдущей статье, посвященной меховому сорочку, мы уже приводили аргументы, свидетельствующие о проникновении сорочка из Руси в западные страны в течение XII в.⁵⁸

Большую роль в этой миграции сорочка сыграли контакты готландских купцов, имевших торговую контору в Новгороде (так называемый Готский двор), основанную на рубеже XI—XII вв., то есть на первом этапе постоянного присутствия иноземных купцов

⁵⁴ Knytingla saga // Sogur Danakonunga. 46. С. Petersens, E. Olson. København, 1919—1925. S. 204.

⁵⁶ См., например: Die Nowgoroder Schra. Ст. 9; Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 75—76. Ст. 42.

⁵⁷ Assisa Regis David Regis Scottorum // The Acts of the Parliaments of Scotland. Vol. I, AD 1124—1423. Edinburgh, 1844. P. 667, 669; Noonan T. S., Kovalev R. K. The «Furry Forties»...

⁵⁸ Noonan T. S., Kovalev R. K. The «Furry Forties»...

⁵⁹ Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде. М., 1986. С. 26.

в Новгороде.⁵⁹ Когда готландские купцы прибывали в Новгород с целью приобретения беличьих шкурок и других мехов, они получали их в упаковках по сорок штук. Сорок меховых шкурок подсчитывались русскими купцами, скорее всего, на бирках-сорочках, известных в Новгороде уже со второй половины X в. Хотя сами упаковки новгородцы называли «сорочками», деревянные счетные бирки они называли «досками».⁶⁰ Иноземные купцы могли спрашивать у русских про «доску» того или иного меха, называя ее между собой «timber» и имея при этом в виду именно сорочок мехов — иными словами, меховой сорочок стал для них понятием, синонимичным, русской деревянной счетной бирке, использовавшейся для подсчета сорока меховых шкурок, и таким образом слово «timber», означавшее «дерево», приобрело дополнительный смысл и стало обозначать также деревянные бирки, с помощью которых насчитывались сорочки.

В заключение следует суммировать некоторые основные моменты. Как свидетельствуют древнерусские письменные и изобразительные источники, русский меховой сорочок состоял из четырех связок по десять шкурок каждая. На всех описанных выше восьми новгородских бирках имеется система разделения зарубок на четыре отдела по десять делений. Следовательно, можно утверждать, что рассмотренные нами деревянные бирки являются бирками-сорочками, то есть счетными бирками, использовавшимися для подсчета сорока меховых шкурок при их упаковке в сорочки. Из восьми бирок-сорочков, раскопанных в Новгороде, одна датируется второй половиной X в., одна — первой половиной XI в., две — второй половиной XI в., одна — второй половиной XII в. и три — XIII в.

Эти восемь бирок представляют три основных вида новгородских счетных бирок — они относятся к биркам цилиндрического, иррегулярного и прямоугольного видов. Три длинные цилиндрические бирки, датирующиеся более поздним периодом (XIII в.), по сравнению с пятью другими, представляют собой усовершенствованный тип, отличаясь более высоким уровнем развития утилитарных функций. Можно полагать, что длинные цилиндрические бирки явились одним из нововведений, возникших в результате роста интенсивности новгородской торговли мехом с балтийскими странами со второй половины XIII в. Обнаружение бирок-сорочков на усадьбах боярских родов, относящихся к высшему классу новгородского общества, представители которых были ответственны за сбор дани мехами с новгородских земель, демонстрирует, что именно на этих усадьбах производились подсчет и упаковка мехов в связки по сорок штук.

Наконец, несмотря на то что бирки, подобные биркам-сорочкам, были найдены и за пределами территорий средневековой Руси, до сих пор ни одна из этих находок не предваряет русские. Это еще раз подтверждает предположение о том, что сорочок стал общепринятой единицей счета пушнины прежде всего на Руси, а затем проник в балтий-

⁶⁰ Ковалев Р. К. Новгородские деревянные бирки... НПЛ. С. 51, 248; Памятники русского права. Т. II: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. М., 1953. С. 287—291, 294, 296, 298, 299; ст. 14, 19, 28—31, 36, 38, 61—62, 75, 92, 103а.

ские страны и далее на Запад, где распространился в эпоху позднего средневековья. В таком случае проясняется вопрос о появлении термина «timber», означающего в языках германской группы сорок меховых шкурок: очевидно, он возник в ходе тесных контактов купцов из северных стран с новгородскими купцами, которые использовали при упаковке мехов деревянные бирки для подсчета сорока шкурок.